

— Бабушка, эти вещи у меня цветочка не дадут, лучше отдам их вам на растерзание, — Чжун Цинжань не глядел на кучу красиво упакованных предметов, а указывал на купленную им ткань. — Это я купил для вас, а дедушку обделил, в следующий раз обязательно куплю ему.

Госпожа Тун расплылась в улыбке, но, увидев цвет ткани, с легким упреком сказала:

— Цинжань, ты купил мне такой яркий цвет, как я смогу выйти в этом на люди? Если я надену это, старухи начнут обсуждать, мол, в таком возрасте, а ведет себя как молодая девчонка, любит щеголять.

— Бабушка, этот цвет вам как раз подходит, разве он слишком яркий? — удивился Чжун Цинжань. Темно-красный цвет, разве не подходит пожилым людям? Он ведь не был незнаком с обычаями династии Великая Чжоу, раньше на улицах он видел множество старушек, одетых в подобные цвета, а некоторые даже носили ярко-красные и золотые одежды.

Заметив, что Госпожа Тун не шутит, Чжун Цинжань наконец понял, что, видимо, те старушки были из богатых семей, а в крестьянских семьях такое редко встретишь. Даже темно-красный цвет требовал определенной смелости, чтобы его надеть. Вспомнив, что даже Госпожа Мин, которой едва исполнилось тридцать, одевалась очень скромно, красные цвета в ее гардеробе практически отсутствовали.

Подумав об этом, Чжун Цинжань рассмеялся:

— Бабушка, ничего страшного, этот цвет не подходит молодым девушкам, а вам как раз в пору. Если кто-то посмеет над вами смеяться, просто ответьте им, это просто зависть.

Госпожа Тун сомневалась внешне, но внутри была в восторге. Это Цинжань купил ей, и даже если бы это был ярко-красный цвет, она бы надела его без колебаний. Внук, несмотря на юный возраст, не только приносил в семью значительный доход, но и думал о том, чтобы купить одежду для своей старой бабушки. Сколько стариков могли похвастаться такой удачей? Поглаживая мягкую ткань, которая была намного лучше, чем домотканый холст, Госпожа Тун была счастлива.

— Жаль только, дедушка не получил подарка, Цинжань, в следующий раз обязательно купи ему что-нибудь, иначе он начнет ворчать, — сказала Госпожа Тун, хотя и жалела денег, но в этом вопросе не могла позволить внуку быть скупым.

Среди подарков, которые принес Чжун Цинжань, были и более тонкие, качественно сделанные ткани, но разве они могли сравниться с тем, что внук купил лично? Конечно, нет, так что эти деньги действительно нельзя было экономить.

Чжун Цинжань понял намек Госпожи Тун и сам был того же мнения. Главное в подарке — не его стоимость, а искренность. Вспомнив о почти исчезнувшей синей ткани с цветочным узором и о полностью превратившейся в энергию темно-синей ткани, Чжун Цинжань с сожалением вздохнул, но эти вещи стоили потраченных денег, и он с радостью готов был потратить еще немного серебра, чтобы купить новые.

Выйдя из комнаты, Чжун Цинжань увидел, что его отец сидит под навесом и плетет изделия из лозы, и решил отложить передачу ткани на потом. Вместо этого он вернулся в свою комнату, чтобы разложить оставшиеся подарки.

Утром, когда произошла неожиданность, Чжун Цинжань чувствовал головокружение и слабость, поэтому разговор между Дедушкой Чжуном и Син Эром остался для него смутным

воспоминанием. Он даже не знал, что Дедушка Чжун выдал столько информации. Судя по подаренным ему письменным принадлежностям и краскам, Син Эр действительно умел выведывать секреты.

Глядя на серебряные и золотые слитки, Чжун Цинжань внезапно задумался. Он взял один маленький серебряный слиток, а когда вынул его, подумал о красных раках, которых видел недавно. В его руке оказался не серебряный слиток, а точная копия рака, за исключением того, что он был серебряным.

Убедившись, что идея работает, Чжун Цинжань взял деревянную шпильку. После того как Жемчужина удачи поглотила серебро, она покрыла шпильку, превратив ее в посеребренную, с идеальной отделкой, словно это было творение природы.

К сожалению, Жемчужина удачи могла преобразовывать только серебро, золото и медь, другие материалы она могла только поглощать, но не возвращать.

Чжун Цинжань развлекался в своей комнате, не подозревая, что молодой человек в богатой одежде, которого он случайно спас, в этот момент обсуждал его с монахом и даосом.

В резиденции Сун в уезде Пинъян, в кабинете переднего двора.

— Великий мастер Кун Юнь, Даос Фан, вы уверены?

— Молодой господин Цю, нет сомнений. Мы с этим лысым монахом видели того парня, а потом каждый провел свои расчеты. Как ни считай, все указывает на то, что он — человек, над которым сияет счастливая звезда, ваш благодетель.

— Другие мастера тоже могут это увидеть?

— Господин Цю, я, хоть и недостойный монах, изгнанный из храма Дасян за то, что не соблюдал обеты, могу сказать, что в этом мире, включая этого вонючего даоса, найдется не больше пяти человек, которые могут сравниться со мной в мастерстве. Вы можете быть спокойны.

— Тогда...

Кун Юнь и Фан Цин обменялись взглядами, и первый заговорил:

— Этого человека нельзя принуждать, все должно происходить по его воле, иначе могут возникнуть проблемы. Вам также не стоит беспокоиться, удача и беда идут рука об руку. Если он переступит границы и разгневает небеса, то, когда его удача иссякнет, он сам себя погубит. Если вы не будете его провоцировать, то не пострадаете от него, а если сможете с ним подружиться, то получите его благословение.

Цю Шаоань больше не говорил, просто махнул рукой, чтобы проводить двоих.

Великий мастер Кун Юнь последовал за Даосом Фаном в гостевую комнату, где без церемоний начал есть сладости, несмотря на недовольный взгляд даоса.

— Эх, как ты думаешь, правильно ли мы поступили, выйдя из уединения? — спросил Фан Цин, глядя в чай с сомнением.

— А что правильно, а что нет? Главное — хорошо поесть и выпить.

— Ты, лысый монах, нарушивший кто знает сколько обетов, мог бы жить хорошо где угодно, зачем тебе было идти к этому молодому господину Цю? Ты притворяешься глухим и слепым?

— Хватит называть меня лысым монахом, ты ведь тоже просто вонючий даос, — с набитым ртом сказал Кун Юнь, закончив есть и вытерев рот. — Небесные знамения изменились, и мы оказались в нужном месте в нужное время. Разве ты не хочешь поучаствовать?

— Переломный момент в судьбе молодого господин Цю уже прошел, звезды перестроились, и результат неоднозначен.

— Чего бояться? Даже если мы ошиблись, мы потеряем лишь две жизни, а если угадаем, то станем свидетелями чуда.

— Ты действительно легкомыслен. Говоришь так, будто это просто, но если что-то пойдет не так, ты первый сбежишь, — с презрением сказал Фан Цин.

— Кто не ценит свою жизнь? Только живя, можно наслаждаться счастьем. К тому же мы не те, кто жаждет богатства и славы, иначе бы не сидели в горах столько лет. Эти внезапные изменения в звездах...

Кун Юнь не договорил, но Фан Цин понял его.

На следующий день рано утром, кроме Чжун Цин, у которой были дела, Чжун Цинхань, Чжун Сяо и Чжун Цинчэн, позавтракав, с нетерпением ждали у двери Чжун Цинжаня. Фрукты были для них слишком привлекательны, а так как место было далеко, они обычно не решались ходить туда без сопровождения. С Чжун Цинжанем они могли не бояться.

Чжун Вэнь, видя, как младшая сестра то и дело поглядывает на дверь Чжун Цинжаня, открыла рот, но ничего не сказала. Один раз еще куда ни шло, но если это будет происходить постоянно, это начнет раздражать. Она могла позволить сестре добиться успеха один раз, но разве могла она каждый раз нагло приставать к нему? Лучше было бы сразу разочаровать ее, чтобы она не бежала за каждой мелочью.

Чжун Цинжань встал не поздно, чуть после семи утра, но по сравнению с трудолюбивыми крестьянами он мог только вздохнуть.

Под взглядами младших братьев и сестер Чжун Цинжань ускорил свои действия. Быть под наблюдением во время умывания и завтрака было не самым приятным ощущением.

Отдохнув ночью, Чжун Цинжань уже чувствовал себя лучше, но поднять трехлетнего ребенка он еще не мог. Поэтому четверо двинулись к склоновым землям медленно.

Расстояние в три-четыре ли они преодолели за немалое время, так как Чжун Цинчэн был слишком мал и сильно замедлял их.

Добравшись до места, Чжун Цинжань повел их к дереву без насекомых и сел. Отсутствие сил было действительно раздражающим. С пустой корзиной и медленным темпом он даже на таком коротком расстоянии начал запыхаться.

Малышам было всё равно, они успокоились ненадолго, а потом их внимание привлекли редкие фрукты на земле. Чжун Цинжань не стал их останавливать, позволив им бегать где угодно.

<http://bllate.org/book/16837/1548087>